

УДК 336:622.3(571.122)
DOI 10.34822/2312-3419-2019-4-44-52

Исламутдинов В. Ф.
Islamutdinov V. F.

**ПРОЯВЛЕНИЯ «ГОЛЛАНДСКОЙ БОЛЕЗНИ» ПРИ ТРАНСФОРМАЦИИ
ИНСТИТУТОВ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ НЕФТЯНОЙ РЕНТЫ
В ХАНТЫ-МАНСИЙСКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ – ЮГРЕ**

**SIGNS OF THE DUTCH DISEASE IN TRANSFORMATION
OF INSTITUTIONS OF OIL RENT DISTRIBUTION
IN KHANTY-MANSI AUTONOMOUS OKRUG – UGRA**

В статье проведено исследование проявлений «голландской болезни» при трансформации институтов распределения нефтяной ренты в условиях северного ресурсодобывающего региона. Определен состав институтов распределения нефтяной ренты по уровню (масштабу) их действия и степени формализации норм и правил. Выявлено, как указанные институты трансформировались за период 2000–2018 гг., в течение которого можно наблюдать проявление «голландской болезни». Показано, что под ее влиянием происходят формализация и политизация институтов распределения нефтяной ренты, усиливаются стимулы к рентоориентированному поведению.

The article studies the signs of the Dutch disease in the transformation of institutions for the distribution of oil rent in conditions of the northern resource-producing region. The composition of the institutions of the oil rent distribution is determined by the level (scale) of their actions and the degree of formalization of norms and rules. The transformation of institutions over 2000–2018, during which the signs of the Dutch disease can be observed, is revealed. It is proved that formalization and politicization of the institutions of the oil rent distribution occur under the influence of the Dutch disease. Incentives for rent-seeking behavior also enhance.

Ключевые слова: трансформация, институты, нефтяная рента, «голландская болезнь», Ханты-Мансийский автономный округ – Югра.

Keywords: transformation, institutions, oil rent, the Dutch disease, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra.

Изучением симптомов «голландской болезни» в российской экономике занимаются многие исследователи. Можно отметить работу Л. В. Эдера и В. Ю. Немова [1], которые рассмотрели особенности возникновения и развития «голландской болезни» в России; статью А. Д. Никипелова [2], в которой изучено влияние ресурсного проклятия на тактику и стратегию экономического развития. С. А. Айвазян с соавторами [3] сравнили проявления «голландской болезни» в экономиках России и Армении, а В. М. Гильмундинов [4] выявил новые риски и рецепты преодоления «голландской болезни» экономики России в условиях санкций.

Менее изученным направлением исследований является проявление признаков «голландской болезни» на региональном уровне. Можно привести в качестве примера работу А. Х. Сабанчиева и А. В. Мисакова [5], которые предложили подходы к исследованию проблем «голландской болезни» в условиях российской неравномерности социально-экономического развития. Ранжирование субъектов РФ по определяющим показателям «ресурсного проклятия» провели Л. В. Кожемякин и Т. А. Осечкина [6]. В работе И. В. Паньшина [7] выделены и охарактеризованы основные факторы, определяющие ресурсные эффекты нейтрализации кризисных тенденций и экономические приоритеты российских регионов.

Факторы «голландской болезни» в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре (далее – ХМАО-Югре) одними из первых в 2012 году проанализировали Е. В. Бондарева и соавторы [8]. Несомненно, с тех пор все основные признаки «голландской болезни» экономики региона сохранились, а некоторые даже усилились (табл. 1).

Таблица 1

Признаки «голландской болезни» в ХМАО-Югре

Показатели	Годы				
	2000	2005	2010	2015	2018
Доля добычи полезных ископаемых в валовом региональном продукте (ВРП), %	59,3	74,9	63,0	67,8	67,6
Доля обрабатывающих производств в ВРП, %	3,0	1,2	2,9	1,8	2,4
Доля инвестиций в отрасль добычи полезных ископаемых, %	73,7	62,8	69,2	63,8	85,5
Отношение производительности труда в добывающих отраслях к средней производительности по региону, раз	4,0	4,4	2,9	2,9	2,8

Примечание: источник данных – сайт Федеральной службы государственной статистики [9].

Из данных табл. 1 видно, что доля добычи полезных ископаемых в валовом региональном продукте превышает 50 %, и, хотя своего пика достигла в 2005 году, все равно остается высокой. В то же время доля обрабатывающих производств находится на уровне статистической погрешности. Доля инвестиций в добычу полезных ископаемых также имеет преобладающий характер. Отношение производительности труда в добывающих отраслях к средней по региону хоть и снижается, но все равно остается сравнительно высоким. Таким образом, можно утверждать, что экономика ХМАО-Югры в последние 18 лет имеет явные признаки «голландской болезни», проявляющиеся в перетоке труда и капитала из обрабатывающих отраслей в добывающие.

Однако следует отметить, что это только внешние проявления «голландской болезни», в то время как более интересным является то, как проявляется «голландская болезнь» при трансформации институтов распределения нефтяной ренты в ресурсодобывающем регионе.

Наиболее заметны изменения в формальных институтах распределения нефтяной ренты, которые по уровню власти и масштабам действия можно разделить на 2 группы: общенациональные (федеральные) и региональные.

К общенациональным институтам, при трансформации которых видны проявления «голландской болезни» и которые влияют на ее проявление в ХМАО-Югре, можно отнести институты, регулирующие:

- налогообложение нефтяной отрасли;
- нормативы распределения федеральных налогов;
- политику инициирования и реализации приоритетных национальных проектов.

Необходимо отметить, что система налогообложения нефтедобычи в России претерпела несколько коренных перестроек за последние два десятилетия. Начало реформ налогообложения нефтедобычи было положено в 2002 году (табл. 2).

Таблица 2

Реформы налогообложения нефтедобычи и их влияние на распределение нефтяной ренты

Годы	Название реформы	Цели реформы	Влияние на распределение нефтяной ренты
2002	Введение налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ)	Упрощение налогообложения и изъятия нефтяной ренты	Нефтяная рента стала концентрироваться преимущественно в федеральном бюджете

Окончание табл. 2

Годы	Название реформы	Цели реформы	Влияние на распределение нефтяной ренты
2007	Введение нулевой ставки НДС	Стимулирование разработки месторождений в новых нефтяных провинциях; стимулирование добычи на выработанных месторождениях; стимулирование добычи сверхвязкой нефти.	Произошло частичное перераспределение в пользу нефтедобывающих компаний
2011	Реформа «60–66»	Стимулирование инвестиций в нефтедобычу; увеличение экспорта за счет сокращения переработки; стимулирование углубления переработки	Произошло перераспределение от нефтепереработки в пользу государства и нефтедобывающих компаний
2013	«Малый налоговый маневр»	Изъятие в пользу государства части природной ренты, которая присваивается потребителями	Произошло перераспределение от потребителей и предприятий нефтепереработки в пользу государства
2014	«Большой налоговый маневр»	Минимизация потерь от формирования общих рынков ЕАЭС; разработка альтернативы принятому ранее решению повысить пошлины на темные нефтепродукты.	Произошло перераспределение от потребителей и предприятий нефтепереработки в пользу государства и нефтедобычи
2019	Введение налога на дополнительный доход (НДД)	Стимулирование освоения новых месторождений; ускорение модернизации отечественной нефтепереработки.	Последствия пока не ясны

Примечание: составлено по [10–13].

Анализ проводимых реформ налогообложения нефтедобычи позволяет сделать следующие выводы:

- изменения проводились слишком часто, что создает дополнительные риски для инвесторов;
- в основном все изменения решали тактическую задачу наполнения государственного бюджета;
- чаще всего перераспределение осуществлялось за счет потребителей и иногда за счет нефтепереработчиков.

Как справедливо отмечает С. А. Яцкий, «существующая в настоящее время система налогообложения нефтегазовых компаний подвергается критике, во-первых, за сугубо фискальный характер, избыточную налоговую нагрузку. Во-вторых, отмечается то, что она слабо стимулирует применение инновационных технологий и более полную выработку месторождений по сравнению с зарубежным опытом. В-третьих, подчеркивается ее ориентация на крупный бизнес и игнорирование возможностей небольших компаний. В-четвертых, подчеркивается, что НДС при всех поправках все-таки недостаточно дифференцирует объем изъятия в зависимости от условий добычи» [14, с. 35].

В этой связи можно согласиться с ним и другими авторами [13], которые считают, что введение НДД станет реальным шагом вперед на пути достижения наиболее адекватного способа извлечения дифференциальной ренты.

Говоря о нормативах распределения федеральных налогов, необходимо отметить, что основной тенденцией за последние годы было перераспределение доходов между бюджетами субъектов и федеральным бюджетом. Так, согласно докладу Лаборатории исследований бюджетной политики РАНХиГС [15], доля региональных бюджетов в консолидированных доходах Российской Федерации снизилась с 54,1 % в 1998 году до 32,6 % в 2014 году. Доля расходов за этот период тоже снизилась, но не такими темпами: с 56,6 % до 39,7 %. То есть явно проявляется тенденция централизации налоговых доходов вообще и нефтяной ренты в частности.

Это приводит к тому, что регионы вынуждены брать кредиты и продавать облигации для выполнения принятых социальных обязательств. Общий объем государственного долга региональных бюджетов за 2017 год в сравнении с доходами составил 30,5 %. Дефицит консолидированных бюджетов регионов составил 61 млрд руб. В региональном разрезе с дефицитом исполнены бюджеты 50 регионов, с профицитом – 35 регионов [16].

И ХМАО-Югра здесь не исключение, так как бюджет региона впервые стал дефицитным в 2010 году (табл. 3), и с тех пор практически каждый второй год собственных доходов не хватает для покрытия всех расходов.

Таблица 3

Баланс доходов и расходов консолидированного бюджета ХМАО-Югры, млрд руб.

Показатели	Годы								
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Доходы	167,4	204,5	208,1	193,9	246,5	275,3	245,8	229,1	324,7
Расходы	170,1	192,5	216,9	230,6	238,9	268,1	254,9	246,4	283,9
Дефицит (-) / Профицит (+)	-2,7	12	-8,8	-36,7	7,6	7,2	-9,1	-17,3	40,8

Примечание: источник данных сайт открытого бюджета ХМАО-Югры [17].

В конечном итоге государственный долг консолидированного бюджета автономного округа по состоянию на 01.01.2019 года составляет 18,7 млрд рублей, или 5,8 % от доходов, что, конечно, не очень много на фоне других регионов, но удручает сама ситуация, когда регион-донор, обеспечивающий больше половины нефтяной ренты страны, вынужден занимать средства для исполнения бюджетных обязательств.

Особый интерес представляет такой сравнительно «новый» институт распределения нефтяной ренты, как реализация приоритетных национальных проектов. Программа приоритетных национальных проектов была сформулирована Президентом Российской Федерации Владимиром Путиным 5 сентября 2005 года в обращении к правительству, парламенту страны и руководителям регионов. Всего можно выделить уже 5 этапов в реализации приоритетных национальных проектов (табл. 4).

Таблица 4

Этапы реализации приоритетных национальных проектов

Годы	Инициатор	Состав проектов	Финансирование, млрд руб.	
			федеральный бюджет	бюджеты регионов
2006–2010	В. В. Путин	1. Доступное и комфортное жилье – гражданам России 2. Развитие АПК 3. Здоровье 4. Образование	≈ 1 000	≈ 500
2011–2012	Д. А. Медведев	1. Доступное жилье 2. Здоровье 3. Образование	1 392	нет данных
2013–2016	В. В. Путин	1. Экономическая политика 2. Социальная политика 3. Здравоохранение 4. Образование и наука 5. Обеспечение граждан доступным жильем и повышение качества услуг ЖКХ 6. Совершенствование системы госуправления 7. Межнациональное согласие 8. Развитие Вооруженных сил РФ и модернизация ОПК 9. Совершенствование военной службы 10. Реализация внешнеполитического курса 11. Демографическая политика	≈ 2 000	≈ 6 000

Окончание табл. 4

Годы	Инициатор	Состав проектов	Финансирование, млрд руб.	
			федеральный бюджет	бюджеты регионов
2017–2018	Путин В. В.	29 национальных проектов	345	нет данных
2019–2024	Путин В. В.	1. Демография 2. Здравоохранение 3. Образование 4. Жилье и городская среда 5. Экология 6. Безопасные и качественные автомобильные дороги 7. Производительность труда и поддержка занятости 8. Наука 9. Цифровая экономика 10. Культура 11. Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы 12. Международная кооперация и экспорт	13 200	4 900

Примечание: составлено автором на основе открытых источников [18,19].

Как видно из табл. 3, масштабы приоритетных национальных проектов с каждым этапом увеличиваются как по числу нацпроектов, так и по объему их финансирования. Если на начальном этапе объем средств, распределяемых через механизм нацпроектов, не превышал 200–300 млрд руб. в год, то сейчас объем финансирования достигает 3–3,5 трлн руб. в год. То есть можно утверждать, что нацпроекты стали одним из механизмов распределения нефтяной ренты, которая все больше аккумулируется в федеральном центре.

К специфическим региональным институтам распределения нефтяной ренты в ХМАО-Югре, при трансформации которых также видны проявления «голландской болезни», можно отнести:

- реализацию межрегиональной программы «Сотрудничество»;
- заключение и соблюдение соглашений между общинами коренных малочисленных народов Севера (КМНС) и нефтяными компаниями по поводу использования родовых угодий при добыче нефти.

Областная целевая программа от 16 августа 2004 г. № 150 «Сотрудничество» по реализации договора между органами государственной власти Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа начала действовать с 1 января 2005 г. и в 2014 г. была продлена до 2020 г. Реализация программы «Сотрудничество» дала уникальный опыт трем субъектам Российской Федерации по осуществлению широкомасштабной совместной деятельности, направленной на обеспечение регионов современной транспортной инфраструктурой, строительством автомобильных дорог, социальных объектов, жилья, что в условиях сурового климата и долгой зимы способствует повышению комфортного проживания людей. Традиционно Югра выступала главным спонсором «Сотрудничества», делая в общее дело самый большой вклад. Финансовая составляющая программы стабильно уменьшалась по мере сосредоточения ресурсов в федеральном бюджете, а также под воздействием кризисных явлений в экономике. После окончательного исключения из бюджета программы налога на добычу полезных ископаемых, который с 2010 г. полностью ушел в федеральный бюджет, бюджет программы «Сотрудничество» уменьшился более чем в четыре раза: с 40 млрд руб. в 2005 г. до 8,7 млрд руб. в 2018 г. Также в последние годы постоянно появляются слухи о выходе ХМАО-Югры из программы, хотя в планах на 2019 г. увеличить бюджет программы до 21,2 млрд руб.

То есть можно утверждать, что данный институт первоначально действительно выполнял функции распределения части нефтяной ренты, но с утратой отчислений от НДПИ

интерес к данной программе снизился у всех трех регионов Тюменской «матрешки», и они теперь предпочитают решать свои проблемы самостоятельно.

Что касается соглашений между общинами коренных малочисленных народов Севера (далее – КМНС) и нефтяными компаниями по поводу использования родовых угодий при добыче нефти, то в ХМАО-Югре созданы правовые основания для договорной системы отношений. Все взаимоотношения между коренными малочисленными народами Севера и предприятиями недропользования в Югре регулируются Законами «О недропользовании», «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера регионального значения в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре», Постановлением Правительства «О Реестре территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера регионального значения в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре». В настоящее время общая площадь перекрытия территории традиционного пользования лицензионными участками составляет более 7 млн гектаров или более 56 % от всей территории традиционного природопользования (далее – ТПП).

В 2009 г. в ХМАО-Югре было разработано и внедрено «Модельное соглашение недропользователей с субъектами права традиционного природопользования об использовании земель для целей недропользования в границах территорий традиционного природопользования» [20]. В данном документе были прописаны многие спорные вопросы и обязательства: компенсация за ограничение традиционного хозяйства вследствие промышленного освоения; согласование с коренными жителями схем объектов обустройства и геологоразведочных работ; осуществление природоохранных мероприятий; предоставление транспорта; оплата медицинских и образовательных услуг; строительство или приобретение жилья коренному населению, их трудоустройство; оказание по мере необходимости иной помощи

Касаясь вопроса экономических соглашений (договоров), заключаемых в настоящее время между пользователями недр и владельцами ТПП на территории ХМАО-Югры, Н. И. Новикова [21] отмечает, что проблема договоров остается нерешенной, хотя в округе накопился большой опыт их использования. В современных условиях они не направлены на устойчивое развитие коренных малочисленных народов Севера. Во многих районах, в первую очередь в Сургутском, где находится наибольшее число родовых угодий и в основном и работают нефтяники, ситуация сложнее. Главным недостатком экономических соглашений является то, что они не дают возможностей для развития коренных народов, а подчас способствуют росту иждивенческих настроений. В лучшем случае они помогают семьям аборигенов выживать и сохранять традиционный образ жизни. Проблемой является также недостаточный государственный и муниципальный контроль над их исполнением.

Таким образом, можно констатировать, что с одной стороны институт соглашений между общинами КМНС и недропользователями за анализируемый период стал более формализованным, но с другой – содержание этих соглашений по большей части выхолащено, сводится лишь к уплате компенсаций и стимулирует рентоориентированное поведение КМНС.

Помимо прочего, «голландская болезнь» проявляется и в том, что распределение нефтяной ренты частично регулируется институтами, которые для этого не были изначально предназначены:

- трансфертное ценообразование и завышение затрат дочерних предприятий нефтяных компаний;
- избыточная занятость и недопущение безработицы в регионе;
- финансирование социальных проектов за счет нефтяных компаний.

Трансфертное ценообразование широко распространено среди вертикально-интегрированных компаний (далее – ВИНК), так как согласно С. В. Чернявскому и Н. А. Золотареву [22] позволяет снизить налоговую нагрузку и тем самым перераспределить часть нефтяной ренты в свою пользу. Схема работы ВИНК заключается в том, что она покупает нефть по трансфертным ценам у своих же дочерних нефтедобывающих компаний для пере-

работки на «давальческой» основе и реализации на внутреннем рынке или на экспорт, избегая тем самым уплаты налогов в казну государства. ВИНК имеет полную возможность играть ценами на нефть, приобретаемую внутри своей компании, и стоимостью процессинга на своем нефтеперерабатывающем заводе. НДПИ с его плоской шкалой и налог на прибыль изъять такую ренту в пользу государства не могут. Введение НДД, возможно, позволит решить данную проблему.

Что касается избыточной занятости, то она проявляется двояко: на уровне отрасли – как увеличение численности работающих в нефтяной промышленности, на уровне региона – как стремление всеми силами не допустить наличия безработицы (табл. 4).

Таблица 4

Показатели занятости и безработицы в ХМАО-Югре

Показатели	Годы				
	2000	2005	2010	2015	2018
Численность занятых в добывающей отрасли, тыс. чел.	128,1	150,8	195,0	212,3	228,8
Уровень безработицы, %	11,2	7,9	7,5	4,4	3,3
Официально зарегистрированная безработица, %	2,2	2,3	1,1	0,5	0,43
Для справки: добыча нефти, млн т	182,0	268,0	266,0	243,0	236,5

Примечание: источник данных – сайт Федеральной службы государственной статистики [9].

Как видно из табл. 4, несмотря на то, что добыча нефти начала сокращаться уже с 2008 г., численность занятых в нефтяной промышленности продолжает расти, что частично можно объяснить ухудшением условий добычи, снижением коэффициента отдачи и другими технологическими причинами. Но в то же время за рубежом мы наблюдаем снижение количества работников при стабильном или даже растущем уровне добычи. То есть налицо выполнение нефтяными компаниями функций института перераспределения нефтяной ренты в пользу населения через избыточную занятость. Аналогичную картину видно и на уровне региона, если снижение безработицы до кризиса 2014 г. можно объяснить общим экономическим подъемом, то в последние годы безработица удерживается на низком уровне административными методами: недопущением массовых увольнений, сокращением квот на иностранную рабочую силу, созданием бюджетных рабочих мест в отдаленных населенных пунктах и другими мерами. В результате социальные обязательства окружного бюджета раздуваются и возникает потребность в дополнительном финансировании, что становится объектом политического торга с федеральным центром.

Основным институтом финансирования социальных проектов нефтяными компаниями являются соглашения о социально-экономическом сотрудничестве с регионами. Такие соглашения имеют практически все крупные нефтегазовые компании (например, у «Сургутнефтегаза» они есть с 7 регионами). Данные соглашения позволяют координировать работу по отбору и реализации проектов, например, по строительству или ремонту социально важных объектов, с региональными органами власти. Такие изъятия сверхдоходов и их перераспределение выявить сложнее всего, так как они не фиксируются статистикой и называются завуалированно: социальная ответственность бизнеса [23]. Однако помимо формальных механизмов можно предположить наличие и неформальных договоренностей между нефтедобывающими предприятиями и региональными властями, когда чиновники «рекомендуют» объекты и суммы для осуществления спонсорской помощи, причем зачастую оперируя политическими или конъюнктурными мотивами, а не общественными интересами.

Таким образом, проведенное исследование выявило наличие разноуровневых институтов распределения нефтяной ренты в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре. Формальные институты распределения нефтяной ренты делятся на общенациональные и специфические для региона. В то же время часть институтов распределения нефтяной ренты не фиксируются статистикой и проявляются косвенно через факты социальной ответственности бизне-

са. Длительное пребывание как экономики страны в целом, так и ресурсодобывающего региона в частности, в состоянии «голландской болезни» приводит к трансформации институтов распределения нефтяной ренты, приводя к их политизации и формализации. Кроме того, длительное пребывание в состоянии «голландской болезни» приводит к укоренению рентоориентированного поведения как среди хозяйствующих субъектов, так и среди населения.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грантовое соглашение № 19-010-00527\19 от 09.01.2019 г.

Литература

1. Эдер Л. В., Немов В. Ю. «Голландская болезнь» в России: особенности возникновения и формирования // Проблемы и перспективы модернизации рос. экономики / отв. ред. А. В. Алексеев, Л. К. Казанцева. Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2014. С. 180–201.
2. Некипелов А. Д. О ресурсном проклятии и его влиянии на тактику и стратегию экономического развития // Журн. НЭА. 2015. № 2 (26). С. 205–210.
3. Айвазян С. А., Березняцкий А. Н., Бродский Б. Е. «Голландская болезнь» в экономиках России и Армении // Приклад. эконометрика. 2014. № 36 (4). С. 32–60.
4. Гильмундинов В. М. Новые аспекты «голландской болезни» экономики России в условиях санкций: риски и рецепты // Идеи и идеалы. 2017. Т. 1, № 1 (31). С. 68–81.
5. Сабанчиев А. Х., Мисаков А. В. Некоторые подходы к исследованию проблем «голландской болезни» в условиях российской неравномерности социально-экономического развития // Изв. Кабардино-Балкарского науч. центра РАН. 2016. № 2 (70). С. 111–117.
6. Кожемякин Л. В., Осечкина Т. А. Ранжирование субъектов РФ по определяющим показателям ресурсного проклятия // Современ. проблемы науки и образования. 2014. № 4. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=14202> (дата обращения: 22.04.2019).
7. Панышин И. В. Ресурсные эффекты ослабления симптомов «голландской болезни» в экономике России и ее регионов // Современ. экономика: актуал. вопр. достижения и инновации. Сб. статей победителей III Междунар. науч.-практич. конф. 2016. С. 246–248.
8. Бондарева Е. В., Овчаренко А. М., Реутов Ю. И., Грошева Т. А. Анализ проявления факторов «голландской болезни» в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре // Вестн. ДГТУ. 2012. № 8 (69). С. 102–107.
9. Федеральная служба государственной статистики : сайт. URL: https://www.gks.ru/regional_statistics (дата обращения: 22.04.2019).
10. Картовенко И. В. Динамика налогообложения нефтедобычи в современной России // Налоговая политика. 2009. № 8 (344). С. 71–77.
11. Хомутов И. Распределение нефтяной природной ренты в российской экономике: в поисках оптимума : слайды к выступлению на семинаре НИУ ВШЭ 25 июня 2015 г. URL: http://www.liberal.ru/upload/files/Khomutov_Petromarket.pdf (дата обращения: 22.04.2019).
12. Горбунова Е. Н. Налоговая политика в нефтяной отрасли России: от налоговых маневров к реформе налогообложения отрасли // Налоги и финансы. 2016. № 1. С. 36–41.
13. Левшукова О. А., Слепцова А. В., Эдилсултанова М. А. Сущность и значение налога на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья // Вектор экономики. 2019. № 5. URL: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2019/5/taxes/Levshukova_Sleptsova_Edilsultanova.pdf (дата обращения: 22.04.2019).
14. Яцкий С. А. Эффективность института нефтегазовой ренты // Вестн. Югорск. гос. ун-та. 2016. № 4 (43). С. 29–37.
15. Финансовая устойчивость региональных бюджетов // О проблемах сбалансированности региональных и местных бюджетов в части оптимизации расходов : доклад Рос. акад. народ. хоз-ва и гос. службы при Президенте Рос. Федерации. Лаборатория исслед. бюджетной политики. URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d58c257e13f3a5d414.pdf> (дата обращения: 22.04.2019).

16. Финансовая поддержка регионов остается одним из важнейших приоритетов Федерального бюджета в 2018–2020 годах : интервью Силуанова А. Г. URL: <https://roscongress.org/materials/finansovaya-podderzhka-regionov-ostaetsya-odnim-iz-vazhneyshikh-prioritetov-federalnogo-byudzheta-v/> (дата обращения: 22.04.2019).
17. Отчет об исполнении консолидированного бюджета Ханты-Мансийского автономного округа – Югры // Открытое правительство Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. URL: <https://depfin.admhmao.ru/otkrytyy-byudzheth/ispolnenie-byudzheta/analiz-ispolneniya-konsolidirovannogo-byudzheta-avtonomnogo-okruga/otchet-ob-ispolnenii-konsolidirovannogo-byudzheta-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-yugry/> (дата обращения: 22.04.2019).
18. История нацпроектов в России. URL: <https://tass.ru/info/6101471> (дата обращения: 22.04.2019).
19. Национальные проекты: ключевые цели и ожидаемые результаты / URL: <http://government.ru/projects/selection/741/35675/> (дата обращения: 22.04.2019).
20. Об утверждении Модельного соглашения недропользователей с субъектами права традиционного природопользования об использовании земель для целей недропользования в границах территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера регионального значения в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре (с изменениями на 28 сентября 2018 года) (в ред. распоряжения Правительства ХМАО – Югры от 28.09.2018 N 496-pp).
21. Новикова Н. И. Коренные народы российского Севера и нефтегазовые компании: преодоление рисков // Арктика: экология и экономика. 2013. № 3 (11). С. 102–111.
22. Чернявский С. В., Золотарев Н. А. Вертикально-интегрированные компании и трансфертное ценообразование // Регионал. проблемы преобразования экономики. 2015. № 2. С. 79–87.
23. Аксенов В. А., Богатищева Ю. Н., Любимова М. В. Региональный аспект корпоративной социальной ответственности // Управлен. науки. 2013. № 2. С. 46–57.